

Глава 51. Ревнивый учитель — хуже стихийного бедствия

— Прекрасно сказано!

Величественный голос раздался из-за двери, и в класс вошёл мужчина средних лет со строгим лицом, испещрённым глубокими носогубными складками.

Смерив взглядом учеников, он произнёс:

— «Стыдиться попадания в класс Бин — вот истинный позор»! Какая замечательная фраза! Стремление к знаниям исходит не извне, а из ваших сердец. Если вы отступаете или уклоняетесь от трудностей из-за внешних обстоятельств, то винить в этом следует не других. Вы должны заглянуть в себя!

— Приветствуем, учитель Чжу! — Ученики дружно поднялись. — Мы запомним ваши наставления.

— Садитесь. А теперь откройте «Мэн-цзы». Сегодня мы разберём главу «Лян Хуэй-ван, часть первая».

Учитель Чжу сел на своё место, велел ученикам прочитать текст, а затем вызвал нескольких человек для декламации наизусть.

Эти тексты были частью уездных экзаменов, так что было бы странно, если бы кто-то до сих пор их не выучил. Упражнение служило лишь напоминанием, чтобы студенты не расслаблялись и не забывали пройденное.

Затем наставник начал разбор, от толкования отдельных иероглифов до перевода всей главы. Студенты, хоть и делали вид, что внимательно слушают, на самом деле откровенно скучали. Они уже давно вызубрили и этот отрывок, и «Собрание комментариев к Мэн-цзы». Многие из того, о чём говорил учитель, было в книгах, пусть и не в таких подробностях.

Один лишь Чу Цы слушал с неподдельным интересом. Более того, он что-то быстро записывал на листе бумаги, чем привлёк к себе неоднократное внимание учителя Чжу.

Чжан Вэньхай, сидевший рядом, заметил это и принялся незаметно подавать другу знаки. Встретив недоумённый взгляд товарища, он прошептал:

— Брат Чу, что ты пишешь? Учитель на тебя смотрит.

Юноша не расслышал, и Чжан Вэньхай повторил вопрос.

На этот раз его услышал не только Чу Цы, но и наставник за кафедрой, и все остальные ученики, поскольку в этот момент в классе наступила тишина.

— О чём вы там шепчетесь? — строго спросил учитель Чжу, вперив в Чжан Вэньхай недобрый взгляд.

Чу Цы и его сосед встали. Первый выглядел совершенно невозмутимо, второй же что-то мямлил.

— Прошу прощения, учитель, — начал Чу Цы. — Мы виноваты, что разговаривали на уроке, и просим наказать нас. Однако мой товарищ поступил так из благих побуждений. Мои действия отличались от остальных, и брат Чжан, опасаясь, что вы неверно меня поймёте, решил напомнить мне о необходимости слушать внимательно.

— Нет-нет, учитель, брат Чу меня совсем не слушал! Это я один нарушил тишину в классе, накажите меня! — поспешно вмешался Чжан Вэньхай.

— Прекратите спорить, чья это вина. Подай-ка мне свою книгу, — обратился наставник к юноше. — Я хочу видеть, что ты там строчишь.

Чжан Вэньхай забеспокоился. Часть учеников сгорала от любопытства. Компания же Чжу Цзе злорадствовала, предвкушая, что Чу Цы поймали за рисованием на полях. Они хорошо помнили, как два года назад один из учеников класса Бин для начинающих рисовал на уроке непристойные картинки. Когда учитель это обнаружил, бедолагу с позором выгнали из уездного училища, вытолкав мётлами.

— Слушаюсь, — Чу Цы с почтением протянул книгу двумя руками.

Учитель Чжу взял её, некоторое время внимательно изучал, и его лицо заметно смягчилось.

— Почему ты записываешь мои слова?

— В былые времена ученики Величайшего Мудреца записывали его речи, чтобы последующие поколения могли изучать их и постигать смысл. Сегодня я решил последовать примеру древних и запечатлеть на бумаге слова наставника, дабы после урока вновь обдумать их. Повторяя пройденное, открываешь новое, что, несомненно, пойдёт на пользу учёбе.

Всегда серьёзное лицо учителя Чжу едва не расплылось в улыбке. Лесть попала точно в цель. Однако он тут же вновь напустил на себя строгий вид и отрезал:

— Не говори глупостей! Как я могу сравниться с Величайшим Мудрецом? Впредь не смей приносить подобного.

— Да, учитель. Я не сдержал порыва чувств, простите великодушно. Но я однажды слышал простую поговорку: «Самая острая память уступает тупым чернилам». Звучит грубовато, но, если вдуматься, в этих словах заключена великая мудрость. Прошу вас, позвольте мне и дальше вести записи.

— «Самая острая память уступает тупым чернилам»... — Наставник дважды повторил фразу, смакуя её. — Грубовато, но верно. Раз это полезно для учёбы, то все последуйте примеру... — он заглянул на обложку книги, — этого Чу Цы, и тоже ведите записи.

В тот же миг юноша ощутил на себе десятки испепеляющих взглядов. Даже Чжан Вэньхай послал в его сторону полный укора взор.

«Можно было просто спокойно слушать урок, зачем ты обрёк нас на эти муки?! За что же ты так с нами, брат?!»

Чу Цы невозмутимо сел на своё место.

«Хех, учение без записей — не учение. Не одному же мне на уроке конспекты строчить!»

Учитель продолжил лекцию, а остальные, страдальчески вздыхая, взялись за кисти и принялись записывать. Иногда, когда наставник говорил слишком быстро, кто-то даже просил его повторить сказанное. Атмосфера в классе мгновенно сменилась с унылой на оживлённую.

Дон-дон-дон!

Когда прозвенел колокол, знаменуя конец урока, учитель Чжу с неохотой остановился. Он задал домашнее задание по пройденной сегодня теме: написать сочинение в двести-триста иероглифов на тему «Благородный муж думает о долге, а низкий человек — о выгоде».

Ученики, понуриив головы, по двое и по трое потянулись из класса. Проходя мимо классов Цзя и И, они вновь слышали насмешки — мол, опять, наверное, от учителя нагоняй получили.

Но ученикам класса Бин было лень отвечать. После обеда они так усердно писали, что руки чуть не отнялись.

Когда насмешки стали слишком частыми, кто-то не выдержал и высказался вслух: вот бы метод Чу Цы распространился по всей школе! Пусть и они изведуют сегодняшние мучения, посмотрим, кто тогда будет смеяться.

Тем временем Чжу Цзе со своими приятелями отправился в класс Цзя, чтобы повидаться с Ци Сюем. Выслушав их рассказ, тот, вопреки их ожиданиям, не стал насмехаться. В его глазах Чу Цы всегда был главным соперником, и он считал, что никто другой не достоин этой роли.

Прежнего Чу Цы легко было контролировать, и он не тратил на него много сил. Но перед прошлогодним экзаменом этот парень несколькими словами лишил его лица, заставив купаться в лучах насмешливых взглядов. С тех пор Ци Сюй возненавидел его и твёрдо решил избавиться от него.

С другой стороны, он признавал, что в учёбе соперник ему не уступал. И сегодняшний метод ведения записей... может, он и вправду полезен? Хотя признаваться в этом Ци Сюй не собирался ни за что.

Учитель Чжу, прижимая к себе свитки, бодрым шагом вернулся в учительскую. Остальные наставники, увидев его цветущий вид, не могли скрыть любопытства.

— Почтенный брат Гуаншэн, отчего ты сегодня так весел? Неужто ученики класса Бин стали прилежнее? — спросил его коллега, наставник Чжу Чанмин.

— Да какое там прилежание, — вздохнул Гуаншэн, притворяясь недовольным. — Но сегодня, по сравнению с обычным, дела обстояли куда лучше.

И он, не скрывая самодовольства, пересказал всем слова и поступки своего студента, вызвав у остальных учителей приступ зависти.

Цинь Линцин немного задержался на уроке. Когда он вошёл в помещение, там царило необычное для этого времени оживление.

— Почтенный брат Синьжань, ты как раз вовремя! Я помню, этот Чу Цы — твой лучший ученик? Так вот, он такое учудил! Говорит... — Учитель Чжу Чанмин, любитель посудачить, подхватил Цинь Линцина под руку и взахлёб пересказал ему историю, услышанную от коллеги.

На лице Цинь Линцина не дрогнул ни один мускул, он продолжал улыбаться:

— Мой ученик всегда был таким усердным. Он и у меня на занятиях так же учился.

«Ещё чего! — кипел он внутри. — Этот паршивец никогда ничего подобного не делал и уж тем более не сравнивал меня с Величайшим Мудрецом! Неужели этот Чжу за полдня занятий так его впечатлил?»

— Поистине счастлив тот, кто обрёл такого ученика. Брат Цинь, у тебя достойный преемник, — с ноткой сожаления произнёс наставник Чжу Гуаншэн.

Он уже подумывал, не взять ли Чу Цы себе в ученики, если у того ещё нет наставника. Теперь

он припомнил: так ведь этот парень и есть тот самый вундеркинд из деревни Чанси! Тот, что в четырнадцать лет стал сюцаем, наделав немало шума.

После ужина Чу Цы, захватив толстую стопку сочинений и стихов, отправился к учителю Циню. Это было домашнее задание, которое он должен был сдать ещё вчера, но из-за суеты не успел.

По пути ему встречались наставники, вышедшие на вечернюю прогулку после еды. Он со всеми раскланивался и с удивлением отмечал, что все они были на удивление радушны.

Однако когда он добрался до дома учителя Циня и поприветствовал его, поливающего цветы, тот его проигнорировал.

— Учитель, неужели я совершил что-то, что вызвало ваше недовольство? Я готов понести наказание. Прошу вас, не держите в себе, выплесните гнев. Брань или побои — я всё приму, — с обидой в голосе произнёс Чу Цы.

Он и вправду не понимал, чем мог прогневить наставника. Неужели тем, что пришёл слишком поздно?

Цинь Линцин фыркнул и, отвернувшись, продолжил поливать растения.

Стоявшая рядом супруга учителя с улыбкой прикрыла губы рукой и поманила юношу к себе. Она что-то прошептала ему на ухо, и загадка наконец разрешилась.

Чу Цы не знал, смеяться ему или плакать.

«Учитель, ну право слово, в вашем-то возрасте ревновать... это хорошо?»

Он окинул взглядом двор и, внезапно вдохновившись, громко произнёс:

— Супруга учителя, мне кажется, в этом дворе не стоит сажать так много цветов.

Учитель Цинь, стоявший спиной, наострил уши, пытаясь расслышать их разговор. Услышав последнюю фразу, он так разозлился, что у него затряслись руки. Неужели он теперь и в цветах виноват?

— Это почему же? — подыграла ему супруга наставника, хотя и не поняла, к чему клонит гость.

— Потому что ученики Вашего мужа разбросаны по всей Поднебесной! Зачем же ещё сажать цветы перед его залом?

Лицо Цинь Линцина расцвело, словно хризантема. Эта фраза для наставника была не менее приятна, чем та, что прозвучала днём. Но он всё же постарался совладать с собой и, приняв строгий вид, сказал:

— Вечно ты болтаешь всякую чепуху! Если бы ты столько же усердия вкладывал в учёбу, давно бы уже достиг всех своих целей! Заходи, дай-ка я посмотрю твои последние работы. Если найду хоть малейший регресс, накажу как следует!

Почтенный господин поставил лейку и, гордо выпрямившись, прошествовал в кабинет. Чу Цы поклонился его жене и с улыбкой последовал за ним.

Учитель всё ещё дулся, поэтому сперва раскритиковал все сочинения в пух и прах, и лишь потом нехотя признал, что юноша вполне справляется и особых ухудшений нет.

Он отпил глоток чая, чтобы смочить горло, и, видя, что Чу Цы сидит с прямой спиной и улыбается, не удержался от колкости:

— Что такое? Мои слова, видно, не так важны, как речи Величайшего Мудреца, раз ты не счёл нужным их записывать.

«Опять? Да что ж такое-то!» — мысленно взвыл Чу Цы.

— Ну что вы, учитель! У Великого Мудреца было три тысячи учеников, но разве хоть одному из них выпала такая честь, как мне, — слушать наставления с глаза на глаз? Каждое ваше слово, каждое движение я запечатлеваю в своём сердце и не смею забыть ни на миг. Зачем же мне тогда записи?

— Болтун, — вынес вердикт наставник Цинь, но когда принялся разбирать стихи, его тон стал гораздо мягче.

Чу Цы вздохнул с облегчением.

«...разрывают между „молодой женой“ и „старой матушкой“. Невыносимо!»

Он лишь надеялся, что после собственной женитьбы не попадёт в такую же переделку. Как можно управлять государством и нести мир Поднебесной, если в собственном доме нет порядка? Страшно, страшно.

<http://bllate.org/book/15354/1428766>